Министерство национальной политики Республики Коми
Администрация МО МР «Усть-Цилемский»
МОД «Русь Печорская»
МБОУ «Усть-Цилемская СОШ им. М.А. Бабикова»

Устьцилемска-то говоря будто шанежка баска...

Усть-Цильма, 2019

Центральной библиотеке от автора с огромным уважением.. Знакомтесь с устьдилемской говорей

11.04.2022.

Министерство национальной политики Республики Коми
Администрация МО МР «Усть-Цилемский»
МБОУ «Усть-Цилемская СОШ им. М.А. Бабикова»
МОД «Русь Печорская»

Устьцилемска-то говоря будто шанежка баска...

байки

Усть-Цильма, 2019 г.

Устьцилемска-то говоря будто шанежка баска...: Байки – Усть-Цильма, ООО «Полиграф-Плюс», 2019 г. – 44 стр.

В настоящем сборнике публикуются байки, Т. Поздеевой и Н. Чупрова, написанные на местной колоритной говоре устьцилёмов.

Издание предназначено для массового читателя

В тексте сборника сохранены все слова, которые были предоставлены авторами.

СЛОВНО ШАНЕЖКА...

Народ, не знающий своего
прошлого, не имеет будущего.
М.В. Ломоносов.

Спокойно и неторопливо несет свои воды северная красавица Печора. Со времен Ивана Грозного облюбовали её берега сильные, выносливые, смелые люди, разошлись по её притокам, спустились вниз по течению, неся с собой особую культуру, новые для этих мест традиции и обычаи, православную веру. Это были предки современных устьцилёмов.

За почти пятивековую историю многое пережил здешний народ, все важные исторические события имели отклик и на далёком Севере, но, благодаря старообрядчеству, плотно укрепившемуся здесь, буквально «законсервировались» традиции и обычаи, письменные и устные артефакты первых местных поселенцев. Несомненно, одним из нематериальных памятников культуры был и остается местный диалект, так называемая, «усть-цилемская говоря».

Именно диалект стал показателем национальной принадлежности устьцилёмов: он сохранил славянские корни, древ-нерусские формы образования слов, давно утраченные современным русским литературным языком. Диалект сохранил бытовые и религиозные реалии. На примере метких слов и четких выражений диалект даёт возможность рассказать нашим детям, как жили наши предки.

К сожалению, диалект, активно истребляемый в прошлом веке, стремительно умирает. Наша первоочередная задача – сохранить то, что у нас есть, и передать подрастающему поколению. Это уже экспонат, который необходимо бережно хранить от всего разрушающего, создать условия для его существования.

Отрадно видеть, что, благодаря ученым, творчеству местных поэтов, просветительской работе педагогов и общественных деятелей, появляются не только толковые и топонимические словари «усть-цилемской говори», но и создаются абсолютно современные рассказы и байки, где диалектная речь журчит и переливается, будоража духовную память.

Данная книга является прекрасным опытом обобщения диалектического материала. Она станет прекрасным пособием для педагогов и интереснейшим изданием для усть-

цилёмов. Каждая страница пропитана вкусом румяных шанег из русской печки, морозным разряженным воздухом зимнего утра, ароматом свежескошенной травы, терпкостью морошки и брусники, дымом кадила и солено-кислым привкусом помачки. Родной дом, наши истоки – вот что хранится в простых, но далеко не всем понятных словах. Это родовая память, это великое наследие, это наша история, которую мы не имеем права забыть, если мы хотим счастья нашим потомкам.

О.С. Ермолина,
учитель русского языка и литературы
МБОУ «Усть-Цилемской СОШ им. М.А. Бабикова»,
член Совета межрегионального общественного
движения «Русь Печорская».

Татьяна Васильевна Поздеева родилась 4 января 1959 года в селе Усть-Цильма. Получив специальность телеграфиста, она 13 лет проработала в районном узле связи. Несколько лет Татьяна Васильевна была секретарём комсомольской организации, неоднократно избиралась депутатом райсовета. Она увлекалась лыжным спортом, участвовала в соревнованиях, при этом показывала хорошие результаты. Принимала активное участие в художественной самодеятельности. Из-за тяжёлой болезни вынуждена была выйти на пенсию по инвалидности. Татьяна Васильевна много путешествовала: побывала в Шри-Ланке, Индии и во многих южных точках нашей страны.

Многие жители района знакомы со стихами Татьяны Поздеевой уже давно. Это произошло благодаря тому, что они публиковались на страницах газеты Усть-Цилемского района Республики Коми «Красная Печора» в литературном клубе «Родник». Кроме того, со страниц «Красной Печоры» рассказывалось и о самой Татьяне Васильевне, о её творческих встречах с земляками.

В 2011 году издана её первая книга «Душа поёт», а в 2018 году – вторая «След земной».

Без лишнего пафоса можно сказать, что Татьяна Васильевна настоящий патриот своей малой родины. Негромко, лирично и трепетно она почти в каждом своём стихотворении и байке признается в любви к старинному самобытному краю.

Е.Е. Еремеева,
заместитель руководителя администрации
муниципального района «Усть-Цилемский».

ПАСХАЛЬНАЯ БАЙКА

Я ночесь-то сёдни овсё не спала,
Воскрешения Исуса ждала.
Вечор в церкву кое-как уползла,
Худы ноги едва доволокла.

До чего меня говенье довело,
Хорошо попутным ветром донесло.
До утра на службе простояла,
Охти меченько, как опристала!

Как Христос Воскрес услыхала,
Так я на пол на коленчи и пала.
Тут Парасья подлетела к мене:
«Ты Васюшка, в своём-ле уме?
Чоле ладно ле, девка, с тобой?
Пойдем вместе бажёна домой».

Еле-еле я до дому доплелась.
Отдохнуть маленько улеглась.

Чую чем-ле пахнет в избе,
О, квашня-то уплыла, охти мне!

Дедко, рано печку истопил,
Разговеться поскоре норовил.

Принялась я шаньги пекчи,
Ох, до пристали топталась у печи.

Наконец-то на стол собрала,
Яйца крашены, сметана, стряпня...

Сели с дедком пасху справлять –
Тут Окуля зашла нас повидать.

Поздоровалась, да села на диван.
Я смекнула про Окулин изъян.

Из печи как сажи набрала,
Окулину сажей вымазала!

Та кричит: «Васюшка, ты чо?»
А Христос Воскрес, вот те чо.

Посмеялись над суседкой от души
Устьцилёмски шутки хороши.
Ну, на этом я закончу рассказ,
С праздником великим, с
Пасхой вас!

ЯШКА

Даве встретился мне Яшка,
Он с утра навеселе.
У Федосьи хряпнул бражку
И пошёл куда-ле, гле...

- Яша, ты куда такой, бажоной,
Чоле ладно ле с тобой?

- А иду я до Матрёны,
Не хочу идти домой.
Мне с Матрёшей-то не скучно,
С чувством юмора она.
А Федосья-то беспута.
Не понимат она меня.

- Ты пошшой-но жёнку хулишь,
Работяшша, да баска...
Сам-от всё по бабам рулишь,
А на морду-то, тоска...
Сколько дел-то нынче дома,
Надо ставить сенокос,
А тебе работать лихо,
Отворачивашь свой нос.

Ох, ты Яшка, попадёшься
Под горячу руку мне.
Так отхлопаю, зараза,
Аншпугом-то по спине.

- Тихо, тётка, не ругайся.
Я ж племянник всё же твой.
- Вот живи с таким, мотайся,
Пропадина ты худой.

09.07.2015 г.

* * *

Даве встретилась Палаха,
Сразу-то и не узнашь.
У ней малична рубаха
Вся опайдала, в соплях...
Катанчи сыры да скользки,
Будто едёт на коньках,
А везёт налимов сколько,
Штук бат десять на санях.

- Но, здорово, Пелагея!
Ты ле чо тутка идёшь?
Не худу и батарею
Рыбы бедна волокёшь.
Вся замерзла, где бродила
В экой плящий-то мороз?

- На продольники ходила,
Отморозила, гли, нос.

- Вот беда, дак рукавицей
Как-ле нос-от ототри.
(Ох, ты бедна Пелагея,
Господи ей пособи.)
Не могла ле чо Егора
На Печору-то послать?

Обернулся он бы скоро,
На печи-то чо лежать?

- Но, беда, ты чо, Парасья,
Он домой бат не придёт.
Пропил рыбу всю вчерась-то,
Дак и сёдни ведь пропьёт.
Дома пусть лежит, зараза.
Я уж как-ле да сама.

- Ну, поди домой да сразу
Выпей рюмочку винца.
Надо ладно отогреться,
Чтоб, мотри, не заболеть,
Завтре бат опеть придется
На продольники лететь.

- Так-то так оно, Парасья.
Бат налимца тебе дать?

- Ну, дак дай, буду Настасью,
Твою матерь, поминать.

Поплелася Пелагея.
Ей хошь летом, хошь зимой
На Егора нет надеи,
Надо делать всё самой.

Декабрь, 2010 год.
г. Санкт- Петербург.

ПО ЧЕРНИКУ

Сёдни я поране стала,
В лес задумала сходить
Чоле мне на ум-от пало
Ягоды должны уж быть.

И отправилась в разведку.
По тропинке круто шла.
Так улипла, гле, за ветку,
Щё подол оборвала.
Сарафанец-то худой,
Прежной, плёхотной такой.
Вот ловтак и отсадила,
Да не шибко жалко было.
Вот по лесу я хожу,
Во все стороны гляжу.
Да, черника-то поспела,
Принелась скоре за дело.
Сладка ягода, баска,
Так и смотрит на меня.
Собирал бы целый день,
Но не тут-то было – глень,
Комары кругом бунчат,
Злы собаки, так едят!
И к рукам, к глазам и к носу
Присосаться норовят.
Никакого нету спасу
И ничо не помогат:
Ни маханье, ни мазанье.
Даже крепкий русский мат!
... Но пришло к мене спасенье,
Дикий ветер набежал,
Кровожадных кровососов
Напрочь из лесу прогнал.
Я вздохнула с облегченьем.
Бойко ягоды беру.
Из кустов ушкан как прыгнет –
Лапой прямо по ведру!
Опрокинул оменёной,
Всё просыпал, вот косой,
Он не только косоглазый,
Но, кажись, ещё слепой!
Повздыхала, сокрушаясь,
Не идти ж с пустым ведром,
Поясничу чоле ткнуло,

Ползаю по мху ползком.
С литру ягод бат набрала,
Овсё чоле опристала.
Ко берёзоньке прижалась,
Села на пень отдохнуть.
Чоле я ведь закружалась,
Как найти обратный путь?
Мухомор со злости пнула,
Стала думать, да гадать...
Вдруг я тихий треск учула,
Не могу ничо понять.
Кто-ле ходит, кто крещёной?
А в ответ я слышу рёв –
То медведь такой ядрёной
Разоряет муравьёв.
Я сначала обомлела,
Сердце замерло в груди.
А потом как полетела,
Помоги мне, Господи!
Как хватило силы духа
До деревни добежать!
Долетела словно муха -
И медведю не догнать!

В ИВАНОВ ДЕНЬ

По Усть-Цильме я иду наряднюща.
Сарафан баской одела, рукава да плат.
А навстречу мне кума, вся грязнюща,
Говорю: «Куда така, сёдни праздник бат».
«Ой забыла я, кума, обряжалась,
Да идти-то никуда не сряжалась».
«Ну и глупа ты кума, разве можно
Про Иванов день забыть, эка тоже.
Я на ярмарку пошла, может чоле
Прикуплю себе скусно, да поболе.
Поспеши, кума Матрёна, нарядись,

Да за мной давай скоре волокись».
А на ярмарке чо деется-то, страсть!
Вся Усть-Цильма видно тут собралась.
Кто торгует, ну а кто покупат,
Лавок сколько тут – целый ряд!
Оглянулась я нечаянно назад.
А Матрёна-то меня уж догонят!
Слава Богу, нарядилась-то как –
И парча на ней, и рипс, и канафат.
Лавки ломятся от всякой еды,
А товару сколько всякого, гляди!
«Ну, кума, давай выбирать,
Чо мы сёдни будем покупать».
У Матрёны глаза разбежалися,
А толпа гудит, все пихаются.
Кое-как мы пробрались до прилавка,
Чо творится, чо творится, ну и давка!
Я румяных пряников купила
Да баранок связку взять норовила.
Но баранки мне уж не достались,
А Матрёна-то где осталась?
Поглядела, а кума-то, кума
Себе новый подойник взяла.
Вот идём мы по Советской домой,
А навстречу дед Ерёма хромой.
«Цё, Матрёна, подойник купила?
Ну, старуха, ты меня насмешила».
Смейся, смейся, Ерёма-фома,
Ты не врандуешь ницё уж с утра,
Самогоном шары-ти залил,
Без пути куда-ле в валенках попылил.
Ой, ты кумушка, моя ты кума,
Пойдём выпьем с тобою винца,
Чаю с пряниками скусными попьём,
А потом на Горку пойдём.

«НАЛЕВО»

Я даве на колхозной конюшны жеребча взел. Хотел под гору за лесом съездить. Вёснусь таки дивны баланы прибило, дак я прибрал. Добры дрова из них выйдут. А жеребча-то мене сказали «Налево» кличут. Кака смешна кличка. Спросил у Петьки конюха почему «Налево», а он бает – поедешь, сам узнашь. Но этта...

Еду по Родинскому межутку под гору, на тарантасе трясусь, а на поперечной дороге жеребеч-то как завернёт налево! Я с тарантаса слетел, за вожжи-то держусь, а он как ошалелый несётся. Я по земле волокусь, матерюсь, ничо не могу пособить. В канаву улетел, жеребеч вырвался, куда-ле с тарантасом ускакал...

Господи! Всего меня вередил, косица опухла, вертлюг ломит, штаны розны...

Охти меченько, какой жеребеч-от дикошарый. Кака дорога встретится, так налево и сворачиват. Вот оменёной...

Я как-ле до кумы Окули доволокся, отлежался маленько. Окуля мене спиртичку улила. Выпил, чейно, эку боль надо терпеть. Вот, лекарно, как болит... Домой-то приду дак старуха меня не узнат! Ой беда...

АВДОТЬЯ

Я утресь во хлеву обряжалась дак Зорька пошшо-ле никак доицце не хотела. Лягнула меня, да так шибко по вертлюгу попало, едва домой заволоклась.

Отлежалась маленько, надо как-ле до лавки сходить за хлебом, послать-то некого. Поплелась с посохом, иду, храмлю на леву-то ногу, охти мне.

Из межутка какой-ле мужичишко вывернул, худяшшой, маленькой, кажись Харька куда-ле побежал. Я и окликнула.

- Харитон, куды так торописсе?

- Дак на реку, хочу в шарок съездить, пущальницей половицце, бабка уху просит, а рыбы нету.

- Какова Марья-то?

- Дак лежит, вёснусь слегла да так и всё, не стават.

- Вот беда, бедна ты Марья.

Всю жись горб гнула на тяжёлой работы, нынче вот лежит, маетсе.

Я до лавки доволоклась, хлебца взела. Иду по Советкой уличи обратно, а Марфа Якуниных у дома стоит, о заворницу боком опёрлась, куды-ле в сторону глядит.

- Здорово, Марфа, каки новости знашь?

- Здорово, Авдотья. Чула ле ты про Анисью? Нет, а чо с ей?

- Да Анисья-то вчерась в Москву полетела самолётом. Сама не лётывала никогды, жива ле хоть.

- Но, пошшойно в Москву-то?

- Дак к сыну, на гости.

- Добру-то одежду всяко бат взела. В сарафан нарядицце да на Красну площадь пойдёт. Вот диву-то будёт. Люди подумают какале инопланетянка прилетела, с какой-ле планеты. Такого чуда ише не видывали.

- А пусь глядят. Анисья-то им про Усть-Цильму бат чоле скажет, знать будут.

Так-то оно так. Приедёт жива-здорова дак расскажет каки приключенья у ей там были.

- Дак уж послушам.

- Но, прости, сестра, меня грешну.

- Вертлюг вередила дак шибко болько, как-ле до дому доплестись да на печь забице, погреть дак бат легче станет.

- Бог простит, меня грешну прости.

* * *

Устьцилёмска-то говоря
Будто шанежка баска.
У колодца бабы спорят.
Чья ле речь така часта.
Ты не постуешь, Феклуха,
Мечешь в рот-от всё подряд.
Гли кака ты нынь толстуха,
Сарафан-от не влезат.
То Агафья тараторит,
Палец в рот ей не клади.
А Феклуха эдак важно:
На себя-то погляди.
Вся суха да сучковата,
Только брякаешь костьми.
Ветер дунет дак улетишь,
Господи меня прости.
Ну, дак цё, я на диете,
Соблюдаю все посты.
У меня мужик и дети
Все не шибко-то толсты.
Знаю я, как вы живёте,
Ты-то скряга так скупа,
Один хлеб только жуёте,
А питьё проста вода.
Ладно, Фёкла, не зубаться.
Цё с косицей-то у тя?
Вся запухла, гли кой тяпыш,
Кто намячкал, бат Илья?
Нет, Агаша, в огороде
Так ужалила оса.
Не заметила я вроде,
А домой зашла, коса!
Вот беда, дак подорожник

Прилепи тут поскоре.
Надо быть поосторожне,
Берегчись от их, тварей.
Так-то так, гляди, соседка,
Бойко бежит твой Филипп
Со вчерашнего похмелья
Штоб куда-ле не улип.
Вот зараза, увернулся,
Как-ле надо мне догнать.
Хошь бы он тутка запнулся
Щёбы вицей нахвостать.

Я, **Чупров Николай Александрович**, родился и вырос в селе Среднее Бугаево Усть-Цилемского района Республики Коми. В семье был последним четвёртым ребёнком. Старшие были три сестры. Моя мать Чупрова Анисья Петровна родом из нашей родовой деревеньки Сенькино, воспитывала меня без отца. Как могла, приучила меня к деревенскому труду, без которого жизнь на селе невозможна. Все моменты деревенской жизни навсегда останутся в моей памяти. Детский сад, школа, сенокосы, колхозная, а потом совхозная жизнь, наводнения, морозные зимы, лето с комарами и многое другое стали и станут основой моих маленьких баек.

В 1972 году закончил Бугаевскую восьмилетнюю школу. После школы с 1973 по 1976 год учился в Печорском ГПТУ-10. В армии служил в погранвойсках. Затем работал дояром в совхозе «Нижне-Печорский», а потом «Окунёвский» в Бугаевском отделении. В 23 года моя фотография висела на районной Доске почёта. Был награждён знаком «Молодой гвардеец XIV пятилетки» Министерства сельского хозяйства Коми АССР. В 1982 году женился и переехал с женой Ольгой Александровной жить в г. Печору. Здесь у нас родился сын Денис и дочь Елена. Денис закончил Санкт-Петербургский университет водных коммуникаций и в настоящее время работает в одном из научно-проектных институтов Санкт-Петербурга в качестве инженера проектировщика. У Дениса семья – с женой Дианой воспитывает сына Матвея. К нашему великому несчастью наша дочь Лена погибла в автокатастрофе в 2008 году.

Я с раннего детства любил заниматься самодеятельностью. Ещё в детском саду был маленьким запевалой. В школе среди самодеятельных артистов всегда был в первых рядах. Приехав в Печору, стал участником ансамбля народного танца «Северянка» при Доме культуры речников, а позднее танцевал в таком же коллективе «Печорские зори» в Доме культуры железнодорожников. Работал на Печорском судоремонтом судостроительном заводе в качестве столяра-плотника.

В 1992 году в Печоре образовалось землячество устьцилёмов. В 2000 году я стал руководителем фольклорно-этнографического ансамбля «Устьцилемские напевы». В 2006 году возглавил Печорское представительство МОД «Русь Печорская». С 2005 по 2009 год заочно учился в Республиканс-

ком колледже культуры имени В.Т. Чисталёва. Закончил с красным дипломом и получил специальность режиссёра театра. Пять лет работал педагогом дополнительного образования в Доме детского творчества нашего города. С 2014 года работаю в городском объединении «Досуг» в качестве режиссёра. Здесь в 2009 году у «Устьцилемских напевов» появился детский фольклорный коллектив-спутник «Родники». Ежегодно коллективы выезжают на Республиканские, Всероссийские и Международные конкурсы и фестивали и почти всегда возвращаются победителями. Сам я тоже являюсь лауреатом многих Всероссийских и Международных конкурсов. В 2018 году на международном конкурсе «Колыбель России» в Архангельске стал обладателем Кубка и диплома Гран-при. Награждён Почётными грамотами Министерства культуры и Министерства национальностей Республики Коми, Благодарностью Главы Республики Коми. Являюсь Лауреатом премии «За вклад в сохранение и развитие традиционной народной культуры «Усть-Цилемского района» и премии Главы МР «Печора». Награждён нагрудным знаком «За заслуги перед Печорой».

С детства люблю слушать и исполнять старинные устьцилемские песни. Мне очень нравится наша местная говоря. Да я и не один такой. Бывало с дружками-приятелями часами могли подражать нашим деревенским бабушкам-старушкам, как они говорят, и смеяться над этим. Уехав жить в город я не смог забыть и избавиться от нашего устьцилемского говора, и, когда встречаю кого-нибудь из земляков, сразу перехожу на устьцилемскую говорю.

В первые годы существования нашего землячества в Печоре у коллектива появилась необходимость в пропаганде устьцилемского говора. Я сразу же откликнулся и «наврал» первую байку, которая впервые публично прозвучала в моём исполнении в 1997 году со сцены в Усть-Цильме в дни празднования юбилея села. Тогда моя байка имела потрясающий успех. Ну, а дальше для появления новых баек нужен был только маленький сюжет, от которого можно было бы оттолкнуться. Дальше, больше... Теперь в моей копилке уже имеется более десятка смешных рассказов из жизни жителей Усть-Цилемского района.

НА ГОРКУ

П а р е н ь. Ёво, девки, здоровойте!

Д е в к и. ЗдорОво, здорОво, коль не шутишь!

П а р е н ь. А не шучу... Куды-йно эки нареднюшши? На Горку бат, ли чё?

Д е в к и. Мы-то вот на Горку собрались! А ты-то вот куды в красной рубахи, идёшь я ле – не я ле?!

П а р е н ь. Дак умом-то тоже туды же, куды и вы. Вот смотрю на вас, девки, дак и думаю – не пойти-ли на Горку-ту с вами?

Д е в к и. Ишь чё захотел! Мы бат не про тебя нарежались!

П а р е н ь. Бат и забыль не про меня, дак нынче уж не отвертитесь.

Д е в к и. А чё нам вертетце, мы бат не вертлявы каки-ле вертёшки.

П а р е н ь. Да уж, сразу видно, шшо девки смирёны, не зубаты – шибко ругатце не можите.

Д е в к и. А хошь и не зубаты, да всё равно себя в обиду не дадим и за словом в карман не полезём.

П а р е н ь. Ну, добро, что неругачи. С такими и на розговори-то любо-дорого быть.

Д е в к и. Спасибо на добром слови. Да и ты тоже, посмотреть, дак не назойливой.

П а р е н ь. Дак чё, вместе на Горку-ту бат пойдём, или от ворот поворот дадите?

Д е в к и. Дак уж иди сзади, шибко не мешашь. *(Одна немного отстаёт и идёт рядом с парнем).*

П а р е н ь. Ну, дак давай хошь познакомимсе ли-чо-ле. Меня Ваней зовут. А тебя-то как-но?

Д е в к а. А меня – Маша.

П а р е н ь. Ну, вот и ладно, познакомились... Каки у вас наряды баски. Да и сами вы девки наличны.

Д е в к а. Да и ты тоже не страшной.

П а р е н ь. Я ёвон сёдни дедковы сапоги хромовы обул. Давно уж не обуваны, дак маленько жмут в зьёми-то.

Д е в к а. Ну, ты уж потерпи маленько, к ночи-то бат и разносятце.

П а р е н ь. Ладно бы разносились, дак опеть скрыпят-то не одинаково. Прав-от сапог пушше поскрыпыват, чем лев-от.

Д е в к а. Дак надо было маленько чем-ле смазать их, хош маслиця постного канул бы.

П а р е н ь. А чёле не догадалсэ, я и ни в уми.

Д е в к а. Да, уж шибко не баско, когда не одинаково сапоги-ти скрыпят. Как будто бы прихрамывашь.

П а р е н ь. Ладно давай, другой раз маленько посмекалисте буду. Зато рубаху мне мамка нову сошила. Эта-та в самый раз. Нигде уж не жмёт!

Д е в к а. Да, рубаха-то у тебя добра. Эку рубаху только задобро носить.

П а р е н ь. У вас у самих наряды-ти добры да богаты. Небось тоже новы нашили?

Д е в к а. Дак нет, не всё ново. Ёво побойник на головы, дак это мне бабушка достала из своего сундука. Говорит, что в этом побойнике ишше ейна пробабка замуж выходила!

П а р е н ь. Ишь ты, паря. Какой старинной. Золотом вышитой.

Д е в к а. Сарафан да рукова тоже «почётны», уж не первого плеча. Фартук да коротеньку только новы сошили. И цепи-ти тоже старинны. Из поколения в поколение передаютце. Бабушка сказала, что замуж буду выходить, дак в этом наряди.

П а р е н ь. Замуж говоришь? А жёних-от кто? Есь, нет?

Д е в к а. Жениха-то пока нету. Дак это не большой грех. Наряд на свадьбу есть, а жених сам найдётце, время придёт дак. *(Смеётся).*

П а р е н ь. Ух, кака ты весёла, Маша! Пока тебя не встретил, дак всё думал – бат и не ходить на Горку. А нынче ноги сами так и тянут туды. Да и сапоги ровне стали скрыпеть. Забыль! Не веришь? Ёво, чуешь, нет?!

Д е в к а. Да, чую, чую! Ну, пошли тогда скоре, раз ровне стали скрыпеть дак. Гли, ёвон уж народ собиреитце!.. Давай, давай поскрыпывай!!!

Я – УСТЬЦИЛЁМ.

Средь бескрайних Печорских просторов.
Вдалеке от проезжих дорог,
На лугах, вдоль Тиманских отрогов
Затерялось родное село.

И когда бы сюда ни приехал,
Что б взглянуть на родной край берёз,
Я с волненьем и трепетным чувством
Вспоминаю, где жил и где рос.

Вспоминаю, как было в отрочестве,
Раньше всех я в деревне вставал
И колхозное стадо с поскотины
Не спеша поутру пригонял.

И умывшись водою холодной,
Причесав ветерком волоса,
Я от чистого воздуха сытый
Слушал утренних птиц голоса.

Мне знакома страда деревенская.
С малых лет я на пожню ходил.
В обе ручь, наблюдая за взрослыми,
Я учился горбушей косить.

И с подростками одногодками
Незаметно рос и мужал.
То подпоры рубил, стожары втыкал,
То в зароды сено метал.

А бывало в обед иль на паужне,

На огнище у лиственей
Нам рассказывал Дедко бывальщины
О житье деревенских людей.
И под вечер с парнями уставшие
Напрямки возвращались домой.
Быстро в бане намывшись, напарившись,
Мы бежали скорее в кино.
А потом после танцев, уж заполночь,
По селу мы любили гулять.
Не жалея о том, что не выспавшись,
Завтра снова на пожню бежать.
Эх, и времечко было раздольное.
Песни петь да плясать я умел.
И мальчишкой влюблён был в девчоночку.
Долго сох я по ней да худел.
Хоть живу на российской окраине.
Но горжусь тем, что я устьцилём,
Что родился и вырос в Бугаеве,
Каждый день вспоминаю о нём.

ГОСТЬЯ.

Дак вот, к нам в деревню приехал когды-ле старик-сапожник, да и под саму-то Паску. А че-йно, в Паску все в деревне празднуют, ходят здроватцэ, христосаюицэ-целуютце. Только они одны бедны сидят у окошечка горюют. Никого у них в деревне нету, ни родных, ни близких, ни знакомых. Сидят они эдак, сидят и тут старик-от и говорит: «Давай, бабка, будто бы в гости друг к дружки ходить. Сперва я к тебе приду – ты меня угошшать будёшь, а потом ты ко мне!» Старуха не долго думая и согласилась. Старик наделсэ да и вышёл на уличу. А старуха ту пору приготовилась – на стол всяку всячину наставила, старика ждёт. А старик походил маленько на улици, зашёл в избу, перекрес-

тилсэ, поздоровалсэ, старуху сватьёй назвал и сел тут с краешку на лавку. Старуха к столу стала звать: «Проходи, сват, садись. Угошшать буду!». Старик сел за стол. Выпил стопочку, другу, третью... Закусил как следоват и говорит старухи: «Ну, нынче ты, бабка, поди на уличу. Я тебя дожидацце стану». Старуха наредилась, что ты! Я ле – не я ле! Сарафан парчовый надела, рукава, да плат и вышла из дому. Маленько походила под окнами и обратно в избу зашла. Говорит: «Здравствуёшь, сват! Христос воскрес!». Старик: «Но. Во истину воскрес. Проходи, сватья, садись». Старуха прошла, с шумом села – толста была дак. А старик ту пору открыл погреб и полез в подполье за закуской. Они ведь хош и вместе жили, а еду-ту каждый свою имел. Так вот достал старик из подполья-то большой кусок варёной баранины и поставил на пол, а сам опеть нырнул в погреб, за рыбкой ли чёле. А старуха-то когда зашла, двери-ти за собой ладно не закрыла. Тут ихна-то собачонка заскочила в избу-ту, схватила кусок-от мяса и на уличу, была да нет. Старуха перепужалась, давай старика звать: «Сват, сват, ваша-то собачонка мясо-то уташшила!». Старик выскочил из погреба – забыль мяса-то нету и давай старуху лупасить: «Ишь кака госья ходишь! Сама ходишь, да ишше собак с собой водишь! Вот плати мне нынче за кусок-от мяса». Вот и вся гуляночка у них на Пасочку... А старуху нынче Гостьей зовут.

ЛЕШУКОНЬСЬКИ ГОСТЬИ.

Вот у нас всё говорят, что Лешукония – страна бесправия и беззакония. А я ёво уж сколько тут гощу, ни чё тако не наблюдаю. Народ тут у вас я вижу приветливой и культурной. Ишь сколь вас культурных-

то тут собралось. А я ведь эту вашу особенность ишше раньше заприметил.

Вот были ладни летось у нас в гостях в Усть-Цильмы ваши лешуконьськи жонки. Приезжали на нашу Горку смотреть, праздник у нас такой бывает на Иван день да на Петров. Людей посмотреть да себя показать. Чей-но!

Приехали, что ты, я ле – не я ле. Нареднюшши вышли на сцену – песни петь да говорю баять. Пели-то ладно, добро – народ-от дородно долонями клескал. А говоркой не шибко удивили – так же как наши же старухи лепечут, как и ваши.

А вечером-то опеть всех панкетовать позвали по случаю праздника. На столах чё тольки нету – всяка всячина наставлена. Картошка варёна, картошка в мундири и без, жарена... Питьё всяко. Рыба красна, сера, бела, солёна, свежо-прасолена, кисла шшука, шаньги картошны, выпецка сдобна... Вот наши-ти бабы сидят за столом да полны тарелки накладывают, наваливают. А ваши-ти лешуконки сидят жемунничают, не едят. Всё еду будто разглядывают.

Тут всем улили по стакашику. Наши до дна разом выпили, хлопнули. Да рукавом губы вытрали. А ваши губоцьки смоцили, да платоцьками их промакнули. Наши тут на закуску навалились. Мецют, только за ушами трескоток стоит. Маленько погодя и лешуконки осмелели. То ли после выпитого, то ли забыль проголодались, глядя на усть-цилёмок. Всего помаленецьку положили на тарелоцьки и сидят тихоньки вилоцьками копаюцце, тоже будто закысывают. Глазками в разны стороны постреливают, а потом так долу опустят – будто бы стеснеютце.

А сижу перед има, байки травлю, из себя вон наружу лезу. Наши бабы во всё горло хохочут, едой давят-

це. А ваши лешуконки руцькой эдак прикроитце и тихоньки похихикивают.

Ту пору опеть жареных зельдей принесли. Крупных эких. Кострами на больших тарелках наклажены. А наши-ти бабы уж наелись, налопались. Уж не по одному стакашку выпили, дак закусывали впрок. Глазами-то ишше бы поели, да некуды. Новы́ до икоты напичкались. Дак всё равно руки-ти тянутце за рыбой. Да ради Бога – пусь едят, не жалко. Те, которы не шибко переели, дак этих зельдиков-то эдак «ам» и смацали.

А ваши-ти лешуконки опеть тут притихли. На зельдей смотрят как на каку-ле диковинку. Чую шишкаютце: то ли соловецька селёдоцька, то ли корюшка, то ли беломорська селёдка. Пальциками эдак подцепят зельдинку и на тарелоцьку. Я уж сказывал – наши-ти бабы зельдя-то одним укусом, раз – и смацают. Руки сразу эдак о себя, о подол вытрут. Сидят, шары пучат. А ваши лешуконки аккуратненько обтоговатают зельдика, обмусолят, рыбны костоцьки на салфетоцьку положат, пальцики эдак кажный перстенек облизнут-обсуслят, а уж потом незаметненько как ле эдак и вытрут. Вот каки культурны, думаю.

Тут ту пору опеть собиратце стали. Усть-цилёмки свои сумоцьки дамски, на ведро картошки, открывают, и с тарелок-то в сумки валят, чё осталось. Чтобы добро-то не пропало. А ваши лешуконки глазками побегали по уже почти голым столам, по одной канафетоцьки взяли и положили в кошелёцки, кошелёцьки тоже в сумоцьки. Да ишше спасибо с поклоном сказали.

Вот ведь кака высока культура у лешуконских-то жонок. Другим-то бы поучитце.

ПРОЗВИЩЕ.

Но. Здоровойте-живите́. Не знаю по чё они меня сюды созвали да ишше на сцену выпихали. Не знаю я этта боле... Ну, уж нынче коли вышёл дак скажусь – чьих родов я буду. А чё смеётесь? У нас, у устьцилёмов, так уж заведено – только по родам да по прозвишшам людей-то знают. А как-но? Мало-ле в деревни живёт людей с одной фамилией – поди разберись! Тут одна приехала, спрашиват нас, знам ле мы таку Александру Михайловну Дуркину. Думали, думали, головы ломали, дак едва до нас дошло, что это Шура Калач. Это у ней прозвишше. А так ишше по родам людей-то знают. Ванины, Анхины, Микишины, Фокины, Сенины, Сенькины, Комары, Тараканы, Большаковы, Богатырёвы, Горьки, Кушники, Зайковы, да конца-краю не видно, сколько там родов-то. Сам-от я большого роду Сенькиных. И деревенька наша родова так и называлась – Сенькино. А по прадеду-то у нас Ага́фоновский род. А в деревни-то меня Пистолетом кличут.

Нынь уже расскажу, как ко мне это прозвишшо-то прильнуло. Мы ишше малы были, или нет, я уж поболе был, за девками уж побегивать стал, дак вёснусь на поляны в «матки» играли. Я мяч поддавал, «маткой» был. Мы ребовали. А в другой-то команды «маткой» был у меня дружок - Алёха Акула. Ха! Акула – потому что беззубой был. У него ишше у малого как зубы-ти выпали, так боле никто их и не видел, не выросли, але на корню сгнили. Алёха как смеятце личё-ле будет, так чисто акула. Так к нему это прозвишшо и прильнуло. Всю жись бедной с этим прозвишшом и живёт. Зато все его в деревни знают, и если кто-ле спросит дак тут же и покажут на него... Дак вот, дальше слушайте. Я мяч поддаваю, а у Акулы уже последня рука, а тут

Валиш Хонга да Петруха Кочерга всё нарываютце и нарываютце за сало*. Эти Валиш да Петруха-то двойничны были. Оба длиннюшши выросли. У Петиша ноги долги, косолапы, да ишше прихрамыват. Дак его Кочергой зовут. А Валюха как шпаниха, на голову ни чё не надевала. Волосья вечно эки растрёпаны клочьями. Сама высока, как хонажина. Так и зовём – Валька Хонга... Дак вот, они это всё нарываютце, а я думаю, как побежит на друго сало, тут я их подловлю и мечём-то залуплю. А Акула стоит с большушшой клёской, всё замахиваитце, клеснуть хочёт. А клёска-то у него была подпора от зарода, у Ванихи вместо сторожа стоела... Ну, и тут-ка Валиш-от с Петишом побежали, я замахнулсэ, чтобу залупить в них мечём, а Акула-то ту пору как зае...дёт Ванихиным-то сторожом мне по руки... Я так-ту не матерливой рос, а тут говорят я таким благим семиэтажным матом покрыл Алёху-то Акулу... Ну с той поры у меня пальци-ти на руки и срослись неправильно, и рука стала похожа на пистолет. Стали надо мной посмеиватце да и подразнивать – пистолет да пистолет. Я сперва сердилсэ, а потом уж где-ле после армии надо быть, прозвишшо это за мной и вовсе прицепилось. Тим летом лета-то вовсе не было. Бабы в вачегах коров садились доить, а мужики всё лето шапки да фуфайки не сымали. Вот кака холодина стоела. А тут каку-ле христарадну кошенинку сгребли, метать надо. А дош идёт и идёт в одну сторону, никак не утихат. Ту пору опеть красна пошла. Поехали мы с Акулой рыбачить. Раз ле, два заметались – добро. Только по новой заметались – раз, инспекция подъезжают. Двоё. «Чё делаите?» - «Кучи мéчом!» - «Каки кучи, на серёдки Печоры? Да и дош идёт?» - «Дак вишь, ту пору опеть не мéчом!» А я замёрз. Руки в карманы запихал, греюсь. Инспектор спрашиват: «Чё у

* Сало – граница.

тя в кармани?». А я згленул и смекнул: «Пистолет!» - говорю. Инспектора испужались да и скоре уехали. Ну и мы с Алёхой Акулой сетки смотали, да и к берегу, от греха подальше. Вот с той поры и стали меня звать Пистолетом.

У нас на счёт прозвишша-то всё быстро решаитцэ. Так, что у кого нету прозвишша, дак приезжайте к нам в деревню, народ быстро окрестит...

МОНОЛОГ МАЛАШИНОГО МУЖИКА.

Но, здоровайте-живите. Немаленько этта сёдни народу собралось. Какой-но тут пированьё-столованьё? Когой-но этта-ка чайствуют? Дивно, дивно народу собралось. Попробуй эстолько напоить да накормить. Я уж знаю это место-то. Чей-но, года два ле, три бат было назад. Вот ведь забыватцэ стал, чей-но годы-ти уж не молоды стали ставать. Дак мне-ка чей-но восемисят ли чёле годов тогда правили, дак чействовали меня. Да жонка-то у меня за полгода лечо-ле стала готовитцэ, запасьци каки-ле делала да. Да браги-то ведь целой лагун ставили тогды. Что ты! Так добра брага выбродила! Дак мы с Малашай-то тогды в трубу вылетели! Как говоритцэ – обонкротились! Я ишше потом завёлсэ, дак неделю целу дома-то не был, у Феклухи был. Она меня и сманила, солошша вешшиця!

А дело как было, я нынче вам расскажу... Избёнка-то у меня малленька, небольша така. А Малаша-то у меня чёле дивно гостей-то наприглашала. Новы́ ишше и незваны пришли. Уж и садить некуды стало, дак яшшик поставили, да я заволок большушшой чурак, у дровеника стоел. Доску положили дак только так рас-

селись. Малаша вышла ишше сторож поставила, чтобы кто-ле ишше не заволоксэ, нéрада уж стала, а меня послала закрыть заворници. Я закрыл да ишше поленьями заклинил для надёжного дела.

Сидим за занавесками тихоньки, окна закрыли. А Малаша привечат у меня гостей да привечат, бражку наливат да наливат. Тут не в долги и разговорились, завхоршело маленько. Кака брага! Что ты! А мне-ка ту пору запонадобилось на улець выйти по своему сугубо личному делу. А до етого-то я из-за занавески видел, как Феклуха крутитце-вертитце у наших завор. Чё думаю, она тут ишшёт-лытат? Так вот, пока я ходил за угол-то по своим личным делам, захожу в избу, а Феклуха-то уж сидит за столом на моём мести да и с моей кружкой. Только шары крутятце, как у сыча. Смотрю, а они уж лагун-от с брагой из-за печки выволокли, к столу поставили. Малаша-то у меня ей ведь на глаз не любит. А она икотниця чоле сделала с моей жонкой, что та ей и приветила. Мне говорят – садись этта на лагун.

Сижу на лагуни, как царь, короны только не хватат. С одной руки моя Малаша, с другой Феклуха. Малаша опеть всем бражки улила. Васька Мырка сидит в углу на гармошки наяриват. Тут Феклуха выскочила на серёдку плесать. Пляшот, только сарафан красной тресётцэ. Честушки всяки похабны поёт. А потом вышурнулась из избы. Да мне эдак глазом-то подмигнула, да рукой поманила, мол выйди. А ведь когды выпившот, дак совершенно безотказной. Да она бат не зря мою кружку-ту в руки брала, чёле в ней наговорила. Ну, я за ней, как телёнок и вышёл, а она меня в крыльци дожидаитцэ. Пойдём, говорит, ко мне. Будто чёле пособить надо сделать. Бражкой, говорит, рашшитаюсь. Вот беда-та, говорю, рыбна холера, нашла когда звать, ей чоле пособить надо. Да и у меня

своей браги евон целой лагун стоит. Так нет. Я ишше зашёл в избу да целой жбан браги-то зачерпнул да к ней, к Феклухи-то и ушли. Никто уж и не видит, как я уходил. Все уж песни поют да и забыли, что меня чействуют. Да и Малаши где-ле не было. Тоже бат по сугубо личному выходила... Говорят там без меня, меня чействовали, дак дрались и всяко было. Говорят семь рубах вырвали. Чё там делили, я уж не знаю.

Дак через неделю пошла Малаша-то искать меня. Я из-за занавески у Феклухи видел. Домой пришёл, дак дома-то шаром покати. Малаша у меня таку беду на Феклуху-то повела, что ты, осподи ты сохрани! Я уж нынь с ней разговор на ету тему не завожу, а то она всё сулитце меня ухватом наподдевать, дак чтобы забыль не наподдевала...

Тут Феклухи-то бат нету, не видели. А то тогды беда добро́ она со мной бражкой-то рашшитывалась. Что ты! Пойду поишшу.

МОНОЛОГ МАЛАШИ.

Ево. Чей-но эстолько народу-то. Я ничё чисто не знала, что этта чёле будёт. Ёво дева тут-ка место-то не слобонно-ле? Мне-ка хош некоды сидеть-то тут, но всё равно на всякой слуцяй подержи, бат и останусь. Э-э, Феклухи-то солошшой вешшици бат нету тут? Ево, не знаите ли чо! Она ведь нелюцка шерстина, некашна лицина отбиват у меня мужика-то. А им, чей-но, мужикам-то, чё дурно, то и потешно. О-о! Мой-от доброй бат хотещщой кобель. Так бы нынче ухватом-то наподдевала дак. Я ведь бедна ничё не знала. Люди-ти мне ничё не сказывают. Дак сама догада догадыватце стала.

И нашёл ведь, худой увиденець, на кого глаз положить. Хош бы было на чё погледеть. А то ведь ни лицём, ни плецём. Не в пир, не в мир, не в добры люди. Ну и что, что я толста. Я слава Богу свои хлебы ем. Я та оденусь дак маленько хош на бабу похожа. А она-то как полохало, как подпоясанной голи́к всё в одном красном сарафанишки носитце. Сарафан-от ишше от тётки Матрёнки покойной остатками достался. Да рукова-ти парцёвы не сымат. Все уж этта выдергались-вышиньгались. Тоже от матери же достались. Так всё в одном и ходит. В кольё и мельё и в лес по помельё. В чём в лес, в том и по дрова.

Она ведь наскоцька, Феклуха-то. У ней с Филькой покойным ничё не вышло, тот бедный Богу душу отдал, дак на моёго мужика бросилась. И не знаю чё он в этой Феклухи тако нашёл, чем я-то хуже Феклухи?! Я уж и чистоплотней ей. Дома-то чисто-баско. Любо-дорого зайти. Занавески недавно новы повесила. Да корова-то у меня бат не в шарках, как у ней. Она вёснусь корову-ту на улець выпустила, дак у коровы шарки-ти на подбрюшици, как колокола звонят. Осподи-то, грезнуха.

Ой, не знаю я бабы, не знаю я люди добры как далее мне век вековать, да как горё горько горевать. Я уж летом их пошти вместях достала. Да маленько не поспела. Стала я было на пожню собиртце. Пошла в анбар за косой да за граблеми. Стала лопатку искать. Потом чую, будто кто ле за анбаром-то за стеной шишкаитце. Слушать стала, не чутко стало. Тольки тако как будто чупкаютце-целуютце. Думаю, той уже, нынце выйду дак и достану их. Стала я задом-то выходить да грабли-ти задела, они тут пали да на корыто. Тут всё зашумело-загромело. Я испужалась да поворотилась да на грабли-ти наступила. А они со всего-то маху мне этта-ка по косици. Я бедна вся и оплыла, вся

переполошилась. Едва я как-ле выволоклась из анбара-то, едва и оклемалась. Потом думаю, той уже, надо пойти догледеть их там. Побежала, а их там уж никого и нету. Они грядами личё-ле убежали. Я долго едак стоела смотрела. Потом чую чёле сзади-то шарчит. Поворотилась, а там веники под навесом висят сушатце, ветром эдак шовелятце. Дак я так и не знаю, кто-ле был, ле не был ле. Ево мужики, здоровойте. Вы где-ле не с моим-ле мужиком робите? Говорят где-ле огороду городите... У Полоя? Нет, уж там бедны далёко. Мне уж не догледеть. Мне бы Феклуху-то солошшу вешшицю где-ле поймать, дак я бы ей волосья-ти вышшиньгала, да шары-ти ей вычепала. Не дам ей моего мужика у меня отбивать, я ей не хуже и не уже... Ёвон де кака-ле в красном сарафани, не онале. Пойду уже догоню. Не буду я этта дева сидеть. Некогды мне. Побежала я, побежала.

БОБРЫ.

Шёл когда-ле охотник Ванька Силок по своим воргам*. Дичь промышлял. Силком его ишше с мала стали звать – беда ловко он силками вёснами путанцей добывал. Так и прильнуло прозвишшо на всю жись. Идёт он неспешно, места на зиму для силков, сторожек да других каких-ле ловушок проверят да готовит. Добычу наперёд планируёт. Вперёд чо-ле присмотрит-задумат. Идёт это он, значит, делом занимаицце, думку думат. Кругом тишь да гладь, да Божья благодать. Чем тебе не райски места? Не комарно, овода не донимают, мошкары нудной ишше нету. Сухо, баско. В лесу не жарко. Вершины деревьев соньцё шибко не пропус-

* Во́рга – охотничья тропинка (у каждого охотника она своя).

кают. Лепота да и тольки. То птичку послушат, то ягодку только поспевшу попробуёт, то на бабочку, божью тварь, загледицце. Рядом небольша рецюшка протекат, журцит, к себе манит. Здумал Ванька Силок к речушки спустицце, водицьки попить, да сполоснуцце-искупацце. Впереди ворга в сторону от речушки свернёт. Долго потом не будет воды. Искупалсэ Ваня, побулькалсэ. Вышёл на бережок, оболокацце не стал. Прилёг тут на травушку. Ветерком капельки рецьны с тела Ваниного слизнуло. Така нега одолела. Сонцё после прохладной водицьки так и обласкало, как будто мамка ондялком прикрыла. Вдруг чует, как будто кто-ле недалёко разговариват. Слушать стал – не чутко стало. Той, думат, надо посмотреть. Стал крастись на коленцях в ту сторону, откуль говоря неслась. До кустов дополз, пристал, пырей раздвинул, а там бобры. Двоё. Робят. Лес валят. Дивно уж дерёв стронили. Плотину на рецюшки норовят строить. Робят бобры ладно, любо-дорого посмотреть. Никаких лишных тебе движений. Всё слаженно – молоцци да и тольки. Между делом разговор меж собой ведут.

Б о б р. Ты чул нет еку новось? Будто-бы на Усть-Цильмы герб какой-ле новый норовят придумать.

Б о б ё р. Чул-не-чул, а краём уха слышал. Пусь думают, у них головы больши.

Б о б р. Аха, головы больши! А ты знашь нет, что они там ишше выбирать будут – сёмгу на гербе разместить але нашего брата БОБРА.

Б о б ё р. Чо тут думать да выбирать? Конечно, наш брат БОБЁР должон быть главным символом устьцилемского края. Сёмга-та тут при чом?

Б о б р. Как это сёмга при чом? Сёмга – эта царска рыба. В Печоры-матушки водицце. Шибко ей в народи ценят.

Б о б ё р. А мех бобра разве не ценицце? Да бобровы-

ми мехами ишше во времена Ивана Грозного торговали на мировом рынке! А из сёмги какой-но мех? Рыбий! Смех и грех.

Б о б р. Ну не знаю я тогда, как нам быть, чо нам делать, если нашего брата БОБРА не будёт на устьцилемском гербе. Чо творицце...

Б о б ё р. Если так будет, то уйдём из здешних мест. Пускай сами делают на реках да ручьях запруды.

Б о б р. Правильно говоришь. Уйдём отсюль. Мы и в других метах не хуже будём жить.

Сел тут Ванька Силок, глаза протират, затылок чёшот. Тихо стало. Говóри не чутко. Высунулсэ он опеть из-за пырея, а бобров-то уж нету. Не робят уж, бросили. Ванька покуксилсэ, глазам своим не верит. Неужели пригрезилось. Сам ведь своими ушами разговор между бобрами чуял.

Но бобров с той поры с каждым годом всё меньше и меньше стало ставать. Уходить стали. Так и вовсе ушли. И нынче нету их в наших краях.

И все ж таки устьцилемский герб украшат не только царска рыба сёмга, но и БОБР во всей своей красе. В память о некогда водившихся в наших краях в огромным количестве этих лесных обитателях, являвшихся одним из основных объектов охотничьего промысла во времена освоения печорских просторов нашими предками, устьцилёма расположили его на самом видном месте. Так что, наверно, не пригрезилсэ разговор между бобрами охотнику Ваньке Силку, а забыль было.

Театрализованный сюжет открытия
XVIII муниципального детского фестиваля
национальных культур «Венок дружбы»
в исполнении младшей группы Детского фольклорного
коллектива «Родники» 28 апреля 2019 года (г. Печора).

«ДОМОВЁНОК»

Звучит музыкальная заставка. Занавес открывается. Задник сцены оформлен в стиле русской избы – печь, лавки, накрытый стол, в углу образа… Хозяйка Дунюшка в ожидании гостей. Неожиданно увидела за столом незнакомого гостя, Домовёнка, который за обе щёки уплетает кашу большой деревянной ложкой. Хозяйка немного оторопела, всплеснула руками.

Д у н я. Ох-те мнеченько! Ты ктой-но экой? Я тебя не звала и не ждала! Чей-но такой, как Шишко-то растрепаной?

Ш и ш к о. Да не пужайсе ты меня, Дунюшка, никакой я не Шишко. Свой я.

Д у н я. Дак ты Домовёнок ли-чё? Пошшо я тебя раньше-то не видела?

Ш и ш к о. Ну, ты как хочёшь меня зови. А живу у вас в доме давно. За твоей кроватью моё место. Да вот тут за занавеской сижу. И сплю я с тобой на одной подушки. Я доброй!

Д у н я. Да откуль ты взялсэ-то?

Ш и ш к о. Как это взялсэ? В кажном доми должон быть такой как я! А ктой-но за хозяйством будет следить!

Д у н я. Да за хозяйством вроде всегда следят родители и бабушки с дедушками.

Ш и ш к о. Нет, Дунюшка, без моего пригляду тут у нас в доми ничё не деитце.

Д у н я. Вот ведь оно како дело! *(задумалась).* А ко мне нынче гости придут. Сёдни ведь Паска – праздник Великой. Как-но я тебя им покажу?

Ш и ш к о. Да я уж знаю! И не надо меня им показывать. Они сами меня увидят!

Слышен стук в дверь. Хозяйка открывает.

Д у н я. Вот уж и гости пришли! Пойду встречу.

Входит детвора.

Д е т в о р а. Христос Воскресе!

Д у н я. Воистину Воскресе! Проходите, гостюшки дороги. Пока есть время дак повеселимсе, песни попоём!

О л е с я. Давайте, ребятишки, для Дунюшки-то и споём песню!

Б о г д а н. Вот давай, Олеся, ты и запевай!

Как у нашей Дуни, да полон двор скотины
Ай, Дунюшка-Дуня, да милая Авдотья
Курица Варюха, петух-от был Митюха
Ай, Дунюшка-Дуня, да милая Авдотья
Утка-то Агатка, да селезень Игнатка
Ай, Дунюшка-Дуня, да милая Авдотья
Свинья-то Аксинья, а боров был Василий
Ай, Дунюшка-Дуня, да милая Авдотья
Корова-то Алёна, а бык-от был Ерёма
Ай, Дунюшка-Дуня, да милая Авдотья
Кобыла-то Нинила, жеребчик был Гаврила
Ай, Дунюшка-Дуня, да милая Авдотья
Как у нашей Дуни, да полон двор скотины
Ай, Дунюшка-Дуня, хозяюшка Авдотья.

Пока детвора пели песню, Домовёнок им подпевал, потом быстро уселся за стол и продолжил есть кашу. Тут кто-то из ребят его замечает...

Ю л я. Ой, свят, свят, свят! *(крестится).* Дунюшка, а это что за чудо такое?

С а ш а. Да, на Шишка похож!

О л е с я. Ой, какой миленький!!!

Д у н я. Да не бойтесь вы. Он давно у нас живёт. Мы с

ним даже на одной подушке спим.

О л е с я. Вот и давайте нынче «подушечку» сыграем. И ты с нами вставай!

Подушечка, подушечка, да ты пуховая.
Молодушка, молодушка, да ты молодая.
Кого люблю, да кого люблю,
Да того поцелую, да того поцелую.
Пуховую подушечку, пуховую подушечку
Тому подарю, да тому подарю.

Домовёнок снова быстро садится за стол и берёт в руки большую деревянную ложку.

О л е с я. Ой, Дунюшка, какой он у тебя хорошенькой. И песни петь умет. А у меня не поёт, только со мной в прятки любит играть.

К с е н и я. А мой помогат мне уроки делать.

О л е с я. – А у меня совсем никакого нету.

Д у н я. Ой, ребята, мы с вами чо-ле заболтались! Нам ведь надо в «Досуг» поспеть на «Венок дружбы».

П о л я. Давайте скоре собиратцэ! Пойдёмте баслословесь!

Д е т и. Пойдёмте, надо торпитцэ, опоздам ведь, бат ишше успем...

Дети быстро собираются, крестятся перед образами и уходят за кулисы.

Д о м о в ё н о к. Ушли, даже меня не позвали. Пойду их догоню!!!

Остановился у образов и убежал за кулисы.

На сцену выходят ведущие. Они объявляют об открытии фестиваля «Венок дружбы». В конце их речи на сцену выбегает Дунюшка.

Д у н я. Ребята, уже начинается! Но мы, кажись во время поспели. Подите сюды!

Детвора дружно выходит на сцену.

Ведущие объявляют первый номер в исполнении младшей группы фольклорного коллектива «Родники».

Как у наших у ворот, как у наших у ворот.
Ай, люли у ворот, ай люли у ворот.
Стоял девок хоровод, стоял девок хоровод.
Ай, люли хоровод, ай люли хоровод.
Молодушек табунок, молодушек табунок.
Ай, люли табунок, ай, люли табунок.
Меня девки кликали, меня девки кликали.
Ай, люли кликали, ай, люли кликали.
Молодушки манили, молодушки манили.
Ай, люли манили, ай, люли манили.

«КОЛЮШКА»

На сцене – убранство русской избы: стол, лавки, зыбка, на полу половики, на половиках играют маленькие девочки, а мальчик возится с деревянной лошадкой. Девочка постарше занимается уборкой в избе, другая нянчится с маленьким ребёнком, качает зыбку и поёт колыбельную песню.

Н я н ь к а. Баю, баю, баю, бай.
Поди Бука на сарай.
Поди Бука на сарай,
Сено коням надавай.
Кони сено не едят
Всё на Колюшку глядят.

Мальчик с шумом катит по полу деревянного коня. Девочка-хозяйка встревоженно останавливает его.

Н я н ь к а. Тихо ты, Петька! Колюшку разбудишь!
П е т ь к а. Ха! Колюшку разбудишь! Бе-бе-бе!

Н я н ь к а. Посмирене будь! Бабушка тебе цё говорила? Не шуметь!

П е т ь к а. *(Уходит в сторону)* И-го-го! Тык-дык-тык-дык-тык-дык-тык-дык.

Н я н ь к а. Вот ведь какой не послушной, вредина!

(Грозит Петьке пальцем и продолжает петь колыбельную).

(Маленькие девочки играют тряпочными куклами. Тоже подпевают няньке. Петька возится со своим деревянным конём).

Баю, баю зыбаю
Дед пошёл за рыбою.
Матушка коров доить,
Тятенька коней поить.
Старший брат дрова колоть,
Сестра грядочки полоть.
Тётки заняты шитьём,
Дядьки строят новый дом.
Дома только бабушка,
Печёт она оладушки.

Маленькие девочки вдруг запевают другую песенку.

Лодочка-лебёдочка, ты кады пошла?
Я пошла туда, где находится вода!

Н я н ь к а. Ну-ко, карыши, хватить шуметь-то! Дайте Колюшки-то поспать!

(Детвора успокаивается. У входа появляется группа девочек. Петька видит их и восклицает).

П е т ь к а. О! К нам девки пришли.

Н я н ь к а. *(негромким голосом приглашает гостей)* Заходите, заходите. Тольки тихонько, а то у нас Колюшка спать хоцёт!

(В избу заходит группа девочек с рукодельем и рассаживаются на лавках).

Л у ш а. Ух! Како у вас баско-тепло.

Н я н ь к а. Дак цей-но, пець-ту берёзовыми дровами натопим. Вот и тепло.

В а р я. Аха, а я ёво цё цюла, будто говорят, что если на Покров день натопить пець берёзовыми дровами, то в доме всю зиму тепло будет.

К а т я. Я ёво де с везаньём пришла. Тёплы исподоцьки свежу, дак и на улици на замерзну.

Л у ш а. Дак цёйно, как-но без работы-то.

В а р я. А давайте попоём тихонько.

М а ш а. Давайте, Колюшка всяко бат не разбудицце.

Л у ш а. А цё не спеть-то. У нас от песен-то рот тесен.

В а р я. По то и пришли. Давай, Луша, запевай.

Уж, ты, прялка моя прялица,
Я пряду, а нитка тянется.
Я пряду, а нитка тянется,
Мне работа моя нравится.
Уж ты, прялица-кокорица моя,
А пойду, вынесу на улицу тебя.
Стану прясти-спопрядывати,
Да по беседушкам похаживати.
Напряду я много пряженьки
Мне и бабушке на варежки.
Я бабусю свою слушаюсь:
Пирожки, оладьи кушаю.
Пирожки-то очень вкусные,
Всё с начинкою капустною.
Уж ты, дедушка, ты дедушка Мороз,
Не хватай меня за уши и на нос.
Я связала себе варежки,
А ещё своей товарочке.
У подружки моей Манечки
Есть дубовые саночки.
Мы на саночках катались,
Да через горы кувыркалися.
Подскочил тогда Уварка – серый пёс
Да наши саночки в межуточек унёс.

К а т я. Ёво, девки! А цей-но сидим-то, песни-ти играть надо

Т а н я. Дак давайте «Подушецьку» сыграм!

Дети разыгрывают песню.

Подушечка, подушечка.
Да ты пуховая.
Молодушка, молодушка,
Да ты молодая.
Кого люблю,
Да кого люблю,
Да того поцелую,
Да того поцелую.
Пуховую подушечку,
Пуховую подушечку
Тому подарую,
Тому подарую.

В а р я. А давайте хоровод поводим.

К а т я и Л у ш а. А давайте «золотые ворота».

Золотые ворота, проходите, детвора
Ваша мать пройдёт, всех детей проведёт.
На первый раз прощается, второй раз
запрещается,
А на третий раз не пропустим вас.
Золотые ворота, проходите детвора.
Ваша мать пройдёт всех детей проведёт.

Т а н я. А давайте «Дунюшку» попоём. Давно не пели!

К а т я. Давай, Маша, запевай!

Как у нашей Дуни, да полон двор скотины
Ай, Дунюшка-Дуня, да милая Авдотья
Курица Варюха, петух-от был Митюха
Ай, Дунюшка-Дуня, да милая Авдотья
Утка-то Агатка, да селезень Игнатка.
Ай, Дунюшка-Дуня, да милая Авдотья
Свинья-то Аксинья, а боров был Василий.
Ай, Дунюшка-Дуня, да милая Авдотья
Корова-то Алёна, а бык-от был Ерёма.
Ай, Дунюшка Дуня, да милая Авдотья
Кобыла-то Нинила, жеребчик был Гаврила.
Ай, Дунюшка-Дуня, да милая Авдотья

Как у нашей Дуни, да полон двор скотины.
Ай, Дунюшка Дуня, хозяюшка Авдотья.

П е т ь к а. *(Выходит)* А пока мы тут хороводили да песни распевали, бабушка-то нам картошных шанег напекла.

В с е в м е с т е. Ура! Шанежки! Шаньги! Как мы любим шанежки!

(Детвора, весело бегая по кругу, поёт)

Шанежки, шаньги.
Бабушкины шаньги.
Напекла нам бабушка,
Шанежки-оладушки.
Вот так наша бабушка.
Бабушка-олабушка
Шанежки, шаньги.
Бабушкины шаньги.

П е т ь к а. *(Выбегает и сообщает)* А Колюшка-то у нас заспал!

Н я н ь к а. Слава Богу! Слава, Тебе, Господи! Пускай поспит!

П е т ь к а. А побежалите на уличу играть!

В с е в м е с т е. Побежалите! Побежалите!

Н я н ь к а. Подите, подите. А мне с Колюшкой водитце надо.

Все убегают. На сцене остаётся только нянька.

СОДЕРЖАНИЕ

Словно шанежка (Ермолина О.С.)..... 3
Еремеева Е.Е..... 5
Поздеева Татьяна Васильевна
Пасхальная байка..... 6
Яшка..... 7
«Даве встретилась Палаха»..... 8
По чернику..... 9
В Иванов день..... 11
«Налево»..... 13
Авдотья..... 13
«Устьцилёмска-то говоря»..... 15
Чупров Николай Александрович
Автобиография..... 17
На Горку..... 19
Я – Устьцилём..... 21
Гостья..... 22
Лешуконьськи гостьи..... 23
Прозвище..... 26
Монолог Малашиного мужика..... 28
Монолог Малаши..... 30
Бобры..... 32
«Домовёнок»..... 35
«Колюшка»..... 38

Татьяна Васильевна Поздеева
Николай Александрович Чупров

«Устьцилемска-то говоря будто шанежка баска...»

Сборник баек

Республика Коми. – Усть-Цильма. – ООО «Полиграф-Плюс», 2019 г. – 44 с.

Отв. редактор Е.И. Герасимова

Компьютерный набор и макет Н.И. Поздеева, О.П. Вокуева.

Подписано в печать 01.12.2019. Печать ризографическая.
Гарнитура Bookman Old Style. Бумага офсетная.
Заказ № 350. Тираж 600 экземпляров.
Отпечатано в ООО «Полиграф-Плюс»
169480, Республика Коми, Усть-Цилемский район,
с. Усть-Цильма, ул. Новый квартал, 12 «А»
ИНН – 1120004947
т/ф – (8-2141) 91653.
Обложка отпечатана в ООО «Центр оперативной
полиграфии» г. Сыктывкар.

Коренная устьцилёмка,
Ермаковых рода я.
Для кого-то —
незнакомка,
Для кого-то я — своя.

ПОЗДЕЕВА
Татьяна
Васильевна

С детства люблю
слушать и исполнять
старинные
усть-цилемские песни.
Мне очень нравится
наша местная говоря.

ЧУПРОВ
Николай
Александрович